

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 178–185.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 1 (86). P. 178–185.

Научная статья

УДК 316.74

doi: 10.54398/1818-510X.2026.86.1.015

ЧЕЛОВЕК «МЕЖДУ» КУЛЬТУРОЙ И КОММУНИКАЦИЕЙ В СИТУАЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КРИЗИСА

Ланганс Елена Геннадьевна

Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия

langanseg@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0808-527X>

Аннотация. Современная социокультурная ситуация – это ситуация далекого от разрешения глобального кризиса, в обстоятельствах которой оказался человек. Цель настоящей статьи – проанализировать ее важный аспект – соотношение культуры и коммуникации. Человек является носителем культуры и субъектом коммуникации, а значит, процессы их противоречивого изменения «проходят» буквально через него. Посредством типологического метода анализируются разные соотношения культуры и коммуникации, представленные в теориях культуры коммуникации, коммуникации культур и т. п., выявляются проблемные характеристики ситуации. Отдельный человек не в состоянии в одиночку ни поставить, ни разрешить проблему актуальной невозможности коммуникации, которая оборачивается проблемой его собственного существования. Отсюда дается обоснование необходимости построения новых путей коммуникации, для чего нужны новые представления и средства. Одним из подобных представлений и может стать представление о пути, отличного от дороги. Предлагается обратить серьезное внимание на разработанную в Московском методологическом кружке концептуальную схему мыследеятельности в качестве средства организации содержательной, продуктивной коммуникации между представителями разных культур, профессий, научных школ, от участия которых зависит как постановка, так и возможное решение современных социально-гуманитарных проблем.

Ключевые слова: человек, социокультурная ситуация, культура коммуникации, коммуникация культур, культура культуры, коммуникация коммуникации, путь, мыследеятельность, кризис, типологический метод

Для цитирования: Ланганс Е. Г. Человек «между» культурой и коммуникацией в ситуации современного социокультурного кризиса // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 178–185. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.86.1.016>.



Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

A PERSON “BETWEEN” CULTURE AND COMMUNICATION IN THE CURRENT SITUATION OF SOCIO-CULTURAL CRISIS

Elena G. Langans

Chelyabinsk State Institute of Cultures, Chelyabinsk, Russia

langanseg@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0808-527X>

Abstract. The current sociocultural situation is one of the global crisis far from resolved, a situation in which the person Fund himself. The purpose of this article is to analyze an important

aspect of this crisis: the relationship between culture and communication. A person is both bearer of culture and a subject of communication, meaning that the processes of their contradictory change “pass” literally through him. By means of a typological method, different relations of culture and communication, presented in theories of culture of communication, communication of cultures, etc., analyzed and problematic characteristics of the situation revealed. An individual person is not able to solve the problem of the current impossibility of communication alone, which turns out to be a problem of his own existence. This justifies the necessity to build new ways of communication, for which new ideas and tools are needed. One such concept may be the idea of a path, distinct from a road. It is proposed to pay serious attention to the conceptual scheme of Thought Activity developed in the Moscow Methodological Circle as a means of organizing meaningful, productive communication between representatives of different cultures, professions, scientific schools, on whose participation both the formulation and the possible solution of modern social-humanitarian problems depend.

Keywords: person, socio-cultural situation, culture of communication, communication of cultures, culture of culture, communication of communication, path, thought activity, crisis, typological method

For citation: Langans E. G. A Person “Between” Culture and Communication in the Current Situation of Socio-Cultural Crisis. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 1 (86), pp. 178–185. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.86.1.016> (In Russ.).



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Проблема существования человека в условиях современного социокультурного кризиса обсуждается в философской антропологии с прошлого века. Но как в принципе существует человек? Человек существует в деятельности и общении, исторически и материально, т. е. в тех условиях и предпосылках, которые складываются на основе предшествующего общественного опыта. Опыт откладывается в культуре в форме норм и эталонов деятельности, образцов целостной жизнедеятельности общества и ценностей, что определяет практически весь репертуар возможных действий человека. Согласованная с коммуникацией культура поддерживает массовую деятельность (ее воспроизводство) таким образом, чтобы последняя осуществлялась без перебоев, чтобы общество сохранялось как стабильное целое. Все это ограничивает индивидуальный произвол, вынуждает действовать так, а не иначе.

Но человек существует в конкретной ситуации, которая определяет его действия своим содержанием. Также человек определяется культурой, социальными условиями коммуникации и формами осознания культурных и социальных предпосылок (общественным сознанием). Конкретность ситуации можно рассматривать как из внешней исследовательской позиции, так и из внутренней позиции, где ситуация предстает как «человеческая», о которой М. К. Мамардашвили писал, что ее основная характеристика не абсурдность, как утверждали экзистенциалисты, а конкретность [8]. Это значит, что человек вынужден осознавать ситуацию как свою и принимать решения самостоятельно.

Как «выглядит» ситуация?

Ситуация ситуации рознь. В обычной, но конкретной ситуации живой деятельности так или иначе происходят отклонения от норм, что ведет к необходимости фиксации ошибок и накоплению опыта их преодоления. Таким образом деятельность эволюционирует. Но есть ситуации, которые требуют кардинальных изменений как деятельности, так и человека, когда не срабатывают ни коллективный опыт действий, ни индивидуальные человеческие навыки и умения, когда обращение к культуре ничего не дает (ее нормы и образцы во многом не работают в настоящем моменте, поскольку опираются на опыт разрешения прошлых ситуаций), а обычная производственная или бытовая коммуникация только усугубляет положение дел. Реальным

примером такой ситуации является современный глобальный социокультурный кризис, о котором писали и пишут исследователи и аналитики в «рубрике» Глобальные проблемы современности. При этом ни один, даже самый одаренный человек не в состоянии в одиночку разрешить ни одну из современных проблем, особенно проблем общества и культуры, количество которых постоянно возрастает. Необходима содержательная, продуктивная коммуникация, в процессе которой должны формулироваться проблемы, происходить поиски их решения. Заметим, «проблема» отличается от «задачи» тем, что у задачи есть способ решения, а у проблемы – нет. Для изобретения способа решения проблемы требуется труд и творчество многих людей и коллективов, а иногда – не одного поколения.

Человек в сложной ситуации

Почему в заголовок статьи вынесено «Человек “между” коммуникацией и культурой»? Ситуация человека сегодня в прямом смысле этого слова сложная (а иногда и критическая), поскольку кризисные противоречивые процессы изменения культуры и коммуникации практически «проходят» через него. Попробуем более подробно охарактеризовать ситуацию, применив типологический метод и, соответственно, построив простую типологическую таблицу соотношения культуры и коммуникации, что, с одной стороны, позволит очертить ее картину, а с другой – тематизировать проблему существования человека в новых современных обстоятельствах.

Типологическая таблица устроена следующим образом. По вертикали: культура / коммуникация; по горизонтали: культура / коммуникация. Соответственно, мы получаем четыре типологических единицы: «культура культуры», «культура коммуникации», «коммуникация коммуникации» и «коммуникация культуры». Очевидно, что наиболее понятными являются вторая и четвертая единицы.

«Культуре коммуникации» посвящено множество исследований, написаны учебники и методические пособия, где выдвигаются, обсуждаются и предписываются этические требования и этикетные правила, логические принципы построения рассуждений в коммуникации (начиная с «Топики» Аристотеля) и риторические фигуры построения речи, ставятся вопросы педагогической, научной, политической и т. п. коммуникации. Ребенок в процессе инкультурации осваивает нормы деятельности, а также усваивает не просто язык, на котором он может общаться, но эталоны речевого поведения, необходимые для «общезжития». Он осваивает правила поведения и речи в различных бытовых и официальных ситуациях (что можно, а чего нельзя говорить и делать дома или в школе, на празднике или на похоронах и т. д.). Нормы культуры, в которую он входит, становятся в итоге его «природой», а «...он становится человеком в смысле той культуры, в которую его включают. ...Находясь в ситуации действия, человек не имеет перед собою культурных норм как того, что вне его. Напротив, он и есть живое существование культуры» [3, с. 9, 10]. Образно выражаясь, можно сказать, что культура владеет человеком, его действиями, поведением и сознанием, что означает: он делает то, что может, и общается, как умеет, во всех ситуациях. Выражение «человек владеет культурой» в данном контексте не верно. Оно уместно только из позиции наблюдателя, который оценивает, например, выступление оратора. И вот здесь необходимо выходить на проблемные вопросы.

Более пятидесяти лет назад Г. Г. Гадамер написал статью «Неспособность к разговору». Он утверждал, что люди становятся все менее способными к подлинному разговору, который может «повести человека к глубинам человеческой общности» [2, с. 84]. Подлинный разговор преобразует человека – это «...разговор с другим, согласие другого с нами, его возражения, его понимание и непонимание знаменуют расширение нашей индивидуальности – это всякий раз испытание возможной общности, на которое подвигает нас разум» [2, с. 86]. Подлинный разговор граничит с дружбой, где человек обретает себя в другом. В чем же причины «неспособности к разговору»? Гадамер пишет о распространении технических средств коммуникации (а в 70-е гг. XX в. это был в основном телефон. Что тогда можно сказать о нашем времени?), которые не позволяют войти в процесс постепенного сближения

посредством вслушивания, вчувствования в другого, когда образуется атмосфера близости интересов, общности смыслов. Правда, если человеческая близость уже сложилась, то, по мнению философа, техника не рвет ее нити, как и нити подлинного разговора. Позволим себе не согласиться с этим утверждением. Технические средства коммуникации сегодня отдаляют даже порой самых близких людей и преданных друзей, способствуют все более глубокому отчуждению их друг от друга. Таким образом уходит культура «подлинного разговора». Можно ли ее восстановить? Нужна ли она сегодня? Не является ли ее эрзацем разговор в кабинете психолога? Человек может быть компетентным профессионалом, соблюдать этикетные правила и этические нормы, быть эффективным в рабочей коммуникации, но это не избавляет его от одиночества и чувства отчужденности, в том числе от самого себя. К тому же набирает популярность коммуникация с нейросетями (даже на интимные темы); и уже не этика и не способность к эмпатии определяет такое общение, а промтехинжиниринговая компетентность. Еще одна важная черта современной ситуации: люди, казалось бы, принадлежащие одной культуре, оказываются по «разные стороны баррикад» в оценке текущих остроконфликтных событий в мире: распадаются семьи, рвутся старые дружеские и профессиональные связи, от чего не спасает существующая культура коммуникации. Она просто не работает. И речь идет не только о разрывах коммуникации как общения, но о «разрывах» в самой ткани жизнедеятельности людей. Встает вопрос об иной культуре коммуникации, коммуникации с другим, способствующей выживанию как отдельного человека, так и общества в целом.

Представляется, что основанием разрешения этой проблемы должны были стать теоретически обоснованная практика «коммуникации культур». Но практика толерантности потерпела фиаско в западных странах, а практика добрососедских отношений – в странах Востока. Растет национальная неприязнь, множатся межнациональные конфликты, причем поддерживаемые государствами разных стран мира. Человек оказывается «зажатым» между своей культурой и необходимостью строить коммуникацию с представителями других культур ради продолжения общей для всех жизни, но объективные исторические обстоятельства способствуют совсем иному. В той же статье Гадамер пишет: «...чтобы вести разговор, нужно уметь слушать» [2, с. 89] и слышать другого. Однако человек разучивается говорить с другим человеком, чему, по утверждению философа, способствует и прогресс техники, когда люди сидят за одним столом, но как будто смотрят каждый в свой телевизионный экран. Этот феномен получил сегодня реальное распространение. Распадается язык общечеловеческого общения. Как тут не вспомнить библейскую легенду о Вавилонской башне? Отсутствие общего языка, а также стремления создать такой язык ради общего дела ведет к замыканию и окукливанию культур в своих границах. Как писал Д. С. Лихачев, культурные границы могут быть областью интенсивного общения, «...где культуры не только обмениваются опытом, но и ведут диалог, по большей части обогащая друг друга... Как область ожесточенного неприятия друг друга, граница может в редких случаях служить оформлению собственной самобытности, но под опасностью существенных потерь в “живой силе” культуры... Потери велики, ибо все это бывает связано, особенно на закате культуры, с повышенными самооценками, с развитием агрессивности в отношении “других” и в конечном счете внутри себя и против себя» [6, с. 97]. В человеческих контактах начинают возобладать коммунальные отношения. Согласно теории А. А. Зиновьева, в этих отношениях на первый план выдвигаются собственные интересы, интересы кровных родственников и самого ближнего круга в ущерб интересам других; постоянно делаются попытки навязать свои интересы, возвеличить себя и унижить другого, вплоть до его уничтожения [4]. В подобных условиях человек превращается в коммунального индивида, а значит, теряет основания для самосовершенствования и развития, что ведет к оскудению культурного потенциала социума и к невозможности диалога культур.

Теория диалога культур, несомненно, – глубоко гуманистическая теория. Однако остается вопрос о реальных возможностях такого диалога. Отдельный человек не в состоянии на него ответить, поскольку его культура, по меткому выражению М. К. Мамардашвили, – это его «спинной мозг», которым «невозможно мыслить». Философская проблема Другого остается открытой. Конкретная политика «уважения к различиям» на Западе не дала ожидаемых результатов, а скорее, напротив, привела к обострению противоречий между различными обособившимися социальными группами.

Попробуем рассмотреть оставшиеся типологические единицы. Как можно интерпретировать «культуру культуры»? Смысл этого выражения совсем не очевиден. С нашей точки зрения, речь здесь должна идти прежде всего об овладении своей культурой. Что значит «владеть» своей культурой? И как это возможно? Первое, что приходит на ум: владение своей культурой – это знание о ней. Парад идентичностей, который происходит сейчас в мире, опирается именно на этот принцип, реализуемый благодаря утверждению культурных традиций в достаточно однородных и территориально ограниченных сообществах (или посредством продвижения соответствующей идеологии в крупных и неоднородных социумах). Принципиально, содержание (знание) культурных традиций передаются от человека к человеку, от старших – к младшим, от более опытных – к менее опытным в живой деятельности, в ритуале и празднике, что возможно только благодаря живым носителям традиции [5]. Но утверждение своей идентичности чаще всего происходит за счет противопоставления другим, что реально приводит к конфликтам и никак не решает проблем их притеснения. К тому же в таком знании остаются белые пятна, поскольку не все в культуре доступно обыденному сознанию. Вера в мудрость предков или в «сакральность» своей истории предполагает неукоснительное следование своей традиции и культуре. Это делает их самоценными и предельными для сознания, т. е. недоступными для критики. Объективный анализ с целью выявления их ограничений и перспективных возможностей развития становится невозможным. В таком случае необходимо формирование позиции, из которой «свое» становится «чужим», или внешним.

Казалось бы, историко-культурные, культурологические и тому подобные исследования, поставляющие знания о культуре и культурах, занимая внешнюю, объективирующую позицию, должны были «закрывать» белые пятна. Однако все исследователи в этой, как и в любой другой гуманитарной сфере, ограничены своими убеждениями и предрассудками, при том, что для большинства школ и направлений понятие культурного является предельным, т. е. «своим». И «как именно документируется и интерпретируется культура – это вопрос текущего политического и интеллектуального интереса» [9]. Таким образом, все возрастающее количество культурологических знаний не решает принципиального вопроса: как быть человеку, когда фундамент, которым является культура для него, разрушается?

Вынуждающим обстоятельством, приводящим к необходимости владения культурой, выступает именно исторические потрясения, к числу которых относятся и современный глобальный кризис, меняющий и мир человека. Осмысление «своего» как «чужого» требует рефлексии, способствующей выявлению тех самых ограничений культуры, которые не позволяют изменить ситуацию, выйти в режим развития, что необходимо в кризисную эпоху. Культура сопротивляется развитию, поскольку ее главная функция – аккумуляция опыта, сохранение и трансляция сформированных на его основе образцов и эталонов деятельности. Отказаться от своей культуры, составляющей его природу, человек не может. Однако человек вынужден и, по всей вероятности, может ее менять. Конечно, это не одномоментный, а длительный исторический процесс. Сегодня культурные нормы «...не только сохраняются, но и проектируются. Затем они проходят своеобразный отсев – культурный отбор, – и то, что оказывается отобрано, ассимилируется культурой... Общественная жизнь развивается» [3, с. 12]. В дополнение к этому процессу прежние образцы и эталоны

деятельности должны быть подвергнуты разбору и критике. Но если невозможно действовать так, как это было принято, то встает вопрос: “зачем” действовать, “во имя чего” [3, с. 13]? Это серьезный вопрос о рамках проектирования и ориентирах возможного развития культуры, поскольку рост количества «культурных» проектов по всем ее направлениям может превратить культуру в хаос. Ответ на подобные вопросы отдельный человек дать не в состоянии, поскольку не владеет всей полнотой знания и видения ситуации. Значит, опять встает вопрос о коммуникации, в которой должны участвовать представители разных профессий, культур и сообществ.

Рассматривая возможности коммуникации в кризисных обстоятельствах, нужно вспомнить старую и забытую исследователями парадигму коммуникации как пути. Думается, что так можно интерпретировать «коммуникацию коммуникации». Если отвлечься от известных представлений о железнодорожных путях сообщения и т. п. и обратиться к представлению о пути, то, на наш взгляд, путь – это то, что необходимо проложить по неизвестной территории (тех, кто его прокладывает, называют первопроходцами), в отличие от дороги, которая известна, потому что пройдена не один раз и отмечена на картах. В современной ситуации необходимо выстраивать новые пути коммуникации, которая, по выражению Никласа Лумана, невероятна. Луман своей работе ставит вопрос: «...как могла бы строиться система, которая превращает невозможное в возможное, невероятное в вероятное?» [7] – и предлагаем прежде всего представить коммуникацию как проблему. В предыдущей части статьи мы попытались это сделать. Можно добавить еще один момент: узкая специализация профессиональной деятельности, в том числе интеллектуальной, ее культурные ограничения создают «невероятность» коммуникации, невозможность взаимопонимания отдельных деятелей, представителей разных отраслей науки и производства, что приводит к невозможности совместной работы, соответствующим серьезным трудностям, отсутствию результатов или даже негативным результатам.

Если как-то представить новые пути коммуникации, то нужно заметить: путь в неизведанном пространстве – это все-таки не система. Такой путь должен быть еще организован, иметь цель и какие-то средства продвижения. Собственно, целью построения пути коммуникации является прежде всего сама коммуникация («коммуникация коммуникации»), где ее участники смогли бы услышать друг друга, выразить свои точки зрения по важному вопросу (теме обсуждения), высказать свое понимание или непонимание, попытаться поставить проблему и т. д. Средством может стать концептуальная схема коллективной мыследеятельности (МД), разработанная в Московском методологическом кружке и введенная в 1980 г. Г. П. Щедровицким [1; 11, с. 291–298]. В одном из своих докладов Г. П. Щедровицкий представлял эту схему как принцип, который можно развернуть как в онтологическую (например, на историческом материале), так и в организационно-деятельностную плоскость, что значит, она может стать средством организации коммуникации (сама собой коммуникация в ситуации неприятия и неопределенности не сложится). Нельзя символически уподобить эту схему компасу или карте, по которой кто-то прокладывает путь. Это именно средство организации и самоорганизации «путе-шествия» в неизвестное, где важны мысли и действия всех и каждого участника. При этом «Специально надо отметить, что пояс М-К (*мысль-коммуникации*. – Е. Л.) практически не подчиняется различению правильного и неправильного. Он живет по принципам полилога (т. е. многих логик), противоречий, конфликтов и проблематизаций. Это всегда поле борьбы и взаимоотрицаний, которые только и придают М-К ее особый смысл и оправдывают ее существование в качестве особого пояса мД (*мыследействия*. – Е. Л.) [11, с. 289]. Назначение (смысл) этого пояса состоит в том, что только благодаря ему возможно согласование мышления (пояс Мышления) и культурно определенной деятельности (пояс Мыследействия) разных людей, представителей разных культур, социальных групп, профессий, научных школ и др. Не согласие, а именно согласование посредством выявления разных позиций, разных взглядов и оснований их мысли и действий, что должно вести к постановке и поиску

вариантов решения проблем. Последнее невозможно без «оснащенности» действия и коммуникации мышлением. В противном случае получается неразрешимый коммуналный конфликт. Человек, стремящийся войти в или организовать мыслеккоммуникацию, должен прежде всего, использовать схему Мыследеятельности для самоорганизации, что не гарантирует успеха в решении содержательных проблем. Для человека риск – не справиться с переводом коммуналных конфликтов в содержательные проблемы и с масштабом процессов, которые могут развернуться на основании этой схемы. Однако нужно признать, что рискованно любое путешествие в неизведанное. Из чего следует прежде всего необходимость коллективных исследований и разработок в отношении мысли-коммуникации и Мыследеятельности в целом, что задаст основания для самых различных практик. Практика организационно-деятельностных игр показала, что организация коллективной мыследеятельности реально возможна (сегодня они не проводятся). Но исследований в этой области явно недостаточно. Представляется, что подобным путем возможно осмысленное, промышленное изменение культуры, деятельности, изменение культурных оснований человека и социума, так необходимых в условиях глобального кризиса.

Выводы

К сожалению, на наш взгляд, ни одна культурная или традиционная идентичность сегодня не может гарантировать человеку стабильную жизнь и деятельность, не может помочь ему вступить в содержательную, продуктивную коммуникацию по поводу общежития в быстро меняющемся мире. Технические средства часто не только не помогают, но и мешают последнему. Таков один из аспектов проблемы современного существования человека. Он вынужден самоопределяться и действовать в условиях мирового кризиса и глобальных конфликтов. Но для этого необходима рефлексия и интеллектуальная оснащенность, иначе ничего, кроме разрушения надежды и усиления тревоги, человек не получит. Как утверждает автор концепции Антропологии перехода С. А. Смирнов, нам следует отказаться от проблемы идентичности в пользу проблемы оснащенности человека [10, с. 113]. Представляется, что коллективная мыследеятельность как возможность должна стать своеобразным горизонтом для самоопределения, для мысли и действий человека в ориентации на построение их культурных оснований и новых путей коммуникации.

Список источников

1. Бабайцев, А. Ю. Мыследеятельность / А. Ю. Бабайцев, В. В. Мацкевич // Всемирная энциклопедия: Философия. – Москва : АСТ, Минск : Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 663–664.
2. Гадамер, Г. Г. Актуальность прекрасного / Г. Г. Гадамер. – Москва : Искусство, 1991. – 367 с.
3. Генисаретский, О. И. Упражнения в сути дела / О. И. Генисаретский. – Москва : Русский мир, 1993. – 278 с.
4. Зиновьев, А. А. Коммунизм как реальность / А. А. Зиновьев. – Москва : Центрполиграф, 1994. – 495 с.
5. Ланганс, Е. Г. Человек, традиция, культура в перспективе цифровизации образования / Е. Г. Ланганс // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века. – Челябинск : Челябинский гос. ин-т культуры, 2021. – С. 29–33.
6. Лихачев, Д. С. Очерки по философии художественного творчества. / Д. С. Лихачев. – Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. – 163 с.
7. Луман, Н. Невероятность коммуникации / Н. Луман. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2972>. (дата обращения: 20.09.2025).
8. Мамардашвили, М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили. – Москва : Логос, 2004. – 240 с.
9. О’Донаван, П. Общая культура и креативность: забвение и воспоминания в теории культуры Мишеля де Серто / П. О’Донаван. – URL: <https://gefter.ru/archive/10363> (дата обращения: 20.09.2025).
10. Смирнов, С. А. Словарь Антропологии перехода / С. А. Смирнов // Философские науки. – 2008. – № 12. – С. 97–119.

11. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. – Москва : Школа культурной политики, 1995. – 759 с.

References

1. Babaytsev, A. Yu., Mackevich, V. V. Mysledeyatelnost [Mental Activity]. *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya* [World Encyclopedia: Philosophy]. Moscow: AST, Minsk: Kharvest, Sovremennyy literator; 2001, pp. 663–664.
2. Gadamer, G. G. *Aktualnost prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow: Iskusstvo; 1991, 367 p.
3. Genisaretskiy, O. I. *Uprazhneniya v suti dela* [Exercises in the essence of the matter]. Moscow: Russkij mir; 1993, 278 p.
4. Zinovev, A. A. *Kommunizm kak realnost* [Communism as reality]. Moscow: Tsentr-poligraf; 1994, 495 p.
5. Langans, E. G. Chelovek, traditsiya, kultura v perspektive tsifrovizatsii obrazovaniya [Man, tradition and culture in the prospect of digitalization of education]. *Nauchnye shkoly. Molodezh v nauke i kulture XXI veka* [Youth in science and culture of the 21st century]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Institute of Culture; 2021, pp. 29–33.
6. Lihachev, D. S. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* [Essays on the philosophy of artistic creativity]. Saint Petersburg: Russian-Baltic Information Center BLIC; 1996, 163 p.
7. Luman, N. *Neveroyatnost kommunikatsii* [The improbability of communication]. Available at: <https://gmarket.ru/library/articles/2972/> (accessed: 20.09.2025).
8. Mamardashvili, M. K. *Klassicheskij i neklassicheskij idealy racional'nosti* [Classical and non-classical ideals of rationality]. Moscow: Logos; 2004, 240 p.
9. O'Donovan P. *Obshchaya kultura i kreativnost: zabvenie i vospominaniya v teorii kultury Mishelya de Serto* [General culture and creativity: forgetting and remembrance in Michel de Certeau's theory of culture]. Available at: <https://gefter.ru/archive/10363/> (accessed: 20.09.2025).
10. Smirnov, S. A. Slovar Antropologii perekhoda [Dictionary of the Anthropology of Transition]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences]. 2008. no. 12, pp. 97–119.
11. Shchedrovickiy, G. P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Shkola kulturnoy politiki; 1995, 759 p.

Информация об авторе

Ланганс Е. Г. – кандидат философских наук.

Information about the author

Langans E. G. – Candidate of Philosophical Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 28.10.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 29.12.2025.